

Аузан. С Новым годом!

И вот уже не первый год мы возобновляем деятельность нашего диспут-клуба «Узлы экономической политики». И надо заметить, что для таких прекрасных январских дней, когда, наконец, установилась нормальная погода, можно было бы покататься на санях, сыграть в снежки - то, что люди приходят на диспут по промышленной политике, надо всячески приветствовать, хотя и удивляться тоже. Мне, кроме поздравления, видимо, надо несколько слов сказать о самой теме, о выборе темы. Тема ведь не в первый раз на самом деле звучит на наших диспутах вообще. Поскольку это восемьдесят второй диспут (на всякий случай, мало ли кто сбился со счёта, это восемьдесят второй), то были темы, которые в разных формулировках повторялись. Это не означает, что повторялись аргументы и выводы.

Я, например, помню, что лет пять-шесть тому назад, когда обсуждалась подобная тема, один из остроумных участников диспута сказал, что, безусловно, предлагаемые проекты очень улучшили бы экономику, если вы верите в то, что государство наше современное представляет собой субъекта, который в состоянии что-нибудь улучшить. И под аплодисменты, естественные в этот момент, диспут оборвался на таком многоточии. Но мы снова и снова возвращаемся к этой теме, потому что бывают спонтанные процессы, которые ведут не всегда туда, бывают плохие равновесия, бывают провалы рынка, бывают явления *part dependence problem*. Бывают какие-то разные вещи, которые хочется чем-то поправить, для того чтобы вывести на иные, лучшие траектории экономическое развитие и всю нашу жизнь в целом. Поэтому мы в лице «Ассоциации независимых центров экономического анализа» и экономического факультета МГУ предлагаем вернуться к обсуждению этой темы. Тем более что теперь она может обсуждаться с гораздо более, я бы сказал, тонких методологических позиций, поскольку, повторю ещё раз, впервые - насколько нам известно - создана кафедра конкурентной и промышленной политики, которую возглавил профессор Шаститко. И в этом смысле познания Юрия Вячеславовича Симачёва, немало занимавшегося разного рода проектами развития, и опыты, как практические, так и теоретические, профессора Шаститко, который со стороны конкурентной политики пришёл всё-таки к постановке проблем промышленной политики, может дать такой неожиданный результат.

Давайте посмотрим, что из этого получится. Правила я напоминаю или ты, Евсей?

Гурвич. Я не буду.

Аузан. Ты не будешь, тогда я. Уважаемые коллеги, как вы наверняка помните (всё-таки это восемьдесят второй диспут), диспут у нас проходит так. Вначале идут две презентации по двадцать минут. Первым будет делать презентацию Юрий Вячеславович. До двадцати минут презентация Юрия Вячеславовича, два коротких вопроса со стороны Андрея Евгеньевича, два коротких ответа со стороны Юрия Вячеславовича. И потом симметричная процедура. Двадцатиминутная, до двадцати минут, презентация Андрея Евгеньевича, два коротких вопроса, два коротких ответа.

Вторая фаза диспута. Мы собираем вопросы со всего зала с указанием, кому из участников диспута адресован вопрос, и дальше просим по возможности, конечно, коротко ответить на собранные вопросы, причём начинать в этом случае будет уже Андрей Евгеньевич Шаститко, а вторым будет отвечать Юрий Вячеславович Симачёв.

Третья фаза. Если вдруг после этого остаётся время : диспут наш продолжается всегда ровно два часа (чем мы гордимся, а я, как институциональный экономист, вдвойне горжусь, потому что достоверны должны быть обещания, правила должны работать). Так вот, если время остаётся, оно делится между людьми, желающими высказаться в репликах. И тем самым определяется регламент. Оставляем минуту в самом конце участникам диспута, для того чтобы они сказали спасибо залу, и нам - для анонса следующего диспута - это занимает секунд десять. Вот примерно так будет устроена наша с вами жизнь в ближайшие два часа.

Время пошло, и модерировать начал президент АНЦЭА многоуважаемый Евсей Томович Гурвич.

Гурвич. Да, спасибо.

Я хочу обратить внимание, что новый год начинается с нового формата нашего объявления. Если раньше его слева подписывал и. о. декана экономического факультета, то теперь подписывает декан экономического факультета, чему мы рады.

Тема «Промышленная политика в России. Прошлые уроки и задания на будущее». Александр Александрович вспоминал один из прошлых диспутов на эту тему, и тогда один из участников Борис Викторович Кузнецов сказал более жёстко. Он сказал, что промышленная политика может быть очень полезной, но не всякое государство имеет право на неё, наше государство не имеет права на неё. Сегодня Борис Викторович не участвует, другие у нас участники. В правом углу заведующий кафедрой конкурентной промышленной политики МГУ Андрей Евгеньевич Шаститко, в левом углу заместитель генерального директора межведомственного аналитического центра Юрий Вячеславович Симачёв. И на диспут выносятся, как всегда, четыре вопроса. Нужна ли России промышленная политика и можно ли представить нашу власть без попыток реализовать промполитику? То есть имеет ли смысл вообще обсуждать или, может, это имманентно ей присуще. Второе, возможна ли в нашей стране продуктивная промышленная политика или лучшая промполитика в наших условиях – её отсутствие? Третье, промышленная политика – путь к деградации институтов или к их развитию? И четвёртое, каковы уроки реализации промышленной политики в России и могут ли они быть выучены властью?

Пожалуйста, Юрий Вячеславович.

Симачёв. Я буду очень признателен, Евсей Томович, если Вы меня предупредите, когда у меня останется минут семь, потому что вряд ли я успею всё сказать, что хочу.

Коллеги, промышленная политика ... Это может окончательно подпортить мою репутацию, потому что я всё время выступаю с вещами, которые звучат довольно маргинально для многих, как-то: государственные корпорации, институты развития, и вот теперь я докатился до промышленной политики.

Итак, промышленная политика. Очень специфическая сфера, поразительная категоричность и идеологичность суждений в этой области, то безусловная мода, то периоды забвения. Дефицит какой-либо прагматичности и доказательности, потому что, собственно говоря, никто так и не определился, а какой может быть методология для оценки эффективности промышленной политики и её результативности, поэтому у всех здесь разные представления по одним и тем же кейсам. Ну и, конечно, размытость понятия промышленной политики - долгое время считалось, что это нечто нехорошее, то предпринималась масса попыток как-то приукрасить это понятие, сказать: да нет, здесь не промышленная политика, а политика повышения конкурентоспособности, а вот здесь - структурная политика.

Хотя всё равно всегда есть один значимый признак. Это вмешательство государства в экономику и это ориентация на то, что не всё идёт здорово в экономике за счёт рыночных сил – и, значит, государство может это тем или иным образом поправить. На следующем слайде вы можете увидеть примеры определений. Их очень много. Есть даже работы, где коллекционируются эти определения, но это в зарубежных работах. У нас же за период длительного умолчания непосредственно по промышленной политике в «Вопросах экономики» с 2000 года было буквально три публикации. Одна из содержательных публикаций – это как раз работа коллег Авдашевой и Шаститко «Конкурентная промышленная политика», 2003 год. За рубежом таких работ очень много и определений тоже много. Но давайте будем пользоваться каким-нибудь рабочим, например Пола Кругмана: попытка государства содействовать притоку ресурсов в отдельные сектора, которые государство считает важными для будущего развития. То есть в любом случае это обязательно некоторое измерение - секторальное, отраслевое, технологическое - и это всегда какие-то долгосрочные выгоды, и это всегда какая-то

активность и упреждение. Это наличие приоритетов или антиприоритетов, потому что промышленная политика – это далеко не всегда содействие прогрессивным структурным изменениям. Зачастую это политика противодействия негативным структурным изменениям. По крайней мере, она достаточно долго была именно такой в России как компенсация негативных изменений или противодействие им.

Зачем нужна промышленная политика, опять же, по зарубежному опыту? Я не буду перечислять причины, про них, наверное, все знают, то есть здесь можно бесконечно упражняться в общеэкономических аргументах, что даёт промышленная политика, какие есть при этом проблемы и риски. Тем более с каждым следующим витком развития находят новые проблемы и выискиваются новые причины. Компенсация провалов рынка, а в соответствии с более свежей, более модной эволюционной теорией роста это компенсация провалов в восприимчивости к новым знаниям, это компенсация системных провалов, то есть всё то, что связано с взаимодействиями различных агентов. Это, безусловно, проблемы, связанные с промышленной организацией, потому что промышленная политика в том числе связана с реструктуризацией промышленной организации, выстраиванием цепочек добавленной стоимости в тех или иных секторах. Наконец, есть просто такой лирический и мягкий вариант, как координация разных видов политик, потому что надо понимать, что специфика промышленной политики – в ней нет собственного инструментария. Она всегда использует чужие инструменты: тарифной, таможенной, инновационной, инвестиционной политик, а как всё это собирается – это отдельный вопрос.

Наконец, люди прагматичные и циничные, которые есть не только у нас, но и за рубежом, говорят, что промышленная политика – это просто замечательный продукт, с которым можно идти к политикам. Потому что можно упаковать скучные меры по дерегулированию, по инновационному климату, и обычно все их комментарии сводятся к тому, что промышленная политика будет работать хорошо, но только давайте вот ещё немного климат улучшим, дерегулирование проведём. Потому что политикам тоже скучно обсуждать, например, с населением вопрос деbüroкратизации, а гораздо интереснее сказать, что мы будем развивать космос, наши суда будут бороздить не космическое пространство, но какое-нибудь ещё, и мы будем там самыми передовыми в определенных секторах или направлениях. Это звучит достойно великой державы.

Видов промышленных политик - много, останавливаться не буду. Я уже сказал, что были периоды и любви, и умолчания в отношении промышленной политики. Пятидесятые – шестидесятые годы, популярные идеи индустриализации, импортозамещения, защиты зарождающихся отраслей, жёсткая вертикальная политика, компенсация провалов рынка. Немного прошло времени; в семидесятые – девяностые годы как-то стали уже задумываться: может быть, ещё более существенные провалы связаны с государством, которые возникают в ходе компенсации провалов рынка, и поэтому лучше заниматься торговой либерализацией, приватизацией, привлечением иностранных инвестиций, а главное – невмешательством государства в экономику? А с 2000 года уже возник некоторый баланс в оценках: есть и провалы рынка, есть и провалы государства, и нам нужно что-то такое среднее, мягкое, промышленная политика с человеческим лицом, мягкая, горизонтальная, с менее жёсткими инструментами. Здесь же в этот период уже стал заметным фактор Китая, Индии, то есть тех стран, которые не совсем живут по тем рыночным правилам, к которым привыкли другие экономики. Европейские экономики стали сталкиваться с проблемами всё большего отставания по производительности, деиндустриализации, поэтому снова стала популярной идея реиндустриализации, использования в этих целях промышленной политики. И самое главное, принципиальное отличие. Они уже вышли на этап насыщения, когда классические структурные меры, которые у нас ещё, конечно же, не реализованы, такие как дерегулирование, улучшение инвестиционного климата, приватизация – они уже не давали у них эффекта, потому что в большинстве своём было сделано всё, что можно было сделать, и оставались какие-то

более сложные инструменты. В то же время сейчас тот период, когда стараются даже реальные факты наличия промышленной политики не афишировать - те же Соединённые Штаты Америки, там можно назвать достаточно много примеров такой промышленной политики и в технологической сфере, и в отраслевой, и в региональной сфере.

Я пропущу этот слайд. Может быть, следующий слайд, я его оставлю для последующей дискуссии с коллегами. Здесь как раз речь идёт о том, что промышленную политику в принципе неверно противопоставлять конкурентной политике, и более того, на нынешнем этапе наиболее правильная эффективная политика – если она сочетается с элементами конкурентной инновационной политики.

Остаётся всего одиннадцать минут, даже меньше. Промышленная политика в России. Какие предпосылки? С одной стороны, социальные, то есть обеспечение занятости, усиление интереса к промышленной политике в России связано с рабочими местами. Второе – экономико-политические, и они связаны с тем, что исчерпаны возможности перераспределения ренты от классических ресурсных секторов либо они близки к исчерпанию. Тем не менее, власть нуждается в перераспределении такой ренты, и возникает задача формировать новые источники либо, по крайней мере, участвовать в этом процессе. А в качестве новых источников рассматриваются некоторые новые сектора, которые могут ускоренно формироваться за счёт промышленной политики.

Для промышленной политики понимание того, как устроены группы интересов, принципиально важно, потому что нет более завлекательного инструмента, чем промышленная политика. Почему? Потому что вы можете апеллировать всё время к каким-то долгосрочным и социально значимым результатам в далёком будущем, говоря о возможности получать преференции уже сейчас, и, естественно, в этом высокие риски промышленной политики. И мы видим здесь условные государственные группы интересов.

Мы выделяем бюджетную группу интересов (стабильность), структурную группу интересов (стратегические изменения), отраслевую (она связана с тем, что государство в рамках своего патернализма привыкло отвечать перед населением за всё, а в этих условиях тем, кто отвечает за какие-то отрасли, хочется их напрямую контролировать, потому что не отработаны инструменты косвенного контроля). И, наконец, появилась научно-технологическая группа интересов в последнее время. В разные моменты времени, в зависимости от социально-экономической ситуации и вызовов, происходит усиление влияния той или иной группы интересов.

Я не буду останавливаться на этапах в российской промышленной политике. Они есть, они очень разные. Просто я отмечу, что с 2004 года начался этап достаточно жёсткой вертикальной промышленной политики, когда был сделан акцент на измеримость промышленной политики, на то, какой вклад она, та или иная отрасль может давать в экономику, и всё это встраивалось в логику формирования вертикали власти и обеспечения контроля за тем, что происходит внутри экономики. При этом достаточно активно задействовались инструменты интеграции государственной собственности, усиливалась связь со строительством государственного капитализма.

Мы можем очень условно выделить признаки традиционной вертикальной политики и новой, горизонтальной политики. Есть общие предпосылки, почему чиновники или политики (не из-за того, что они плохие), будут всегда тяготеть прежде всего к вертикальной политике, к политике, ориентированной на крупные компании, на существующие сектора, особенно в условиях нашей экономики.

А это небольшая иллюстрация по поводу того, насколько фрагментарно выглядит промышленная политика с позиций декларируемых приоритетов. К сожалению, мой коллега Кузык Михаил придал ей некоторую системность. Так вот системности никакой нет. В разные моменты времени разные приоритеты на уровне Банка развития - они сначала отраслевые, потом возникли научно-технологические приоритеты. А потом создают какие-нибудь госпрограммы по развитию промышленности, там возникают свои

приоритеты из старых отраслей, из новых отраслей, исходя из модели спроса в экономике, исходя из модели предложения в экономике.

По поводу размерности усилий. Вот это просто отраслевые стратегии перечислены. С моей точки зрения, многовато, чтобы всем этим заниматься. Даже в тяжёлые кризисные годы процесс формирования стратегий не останавливался. За каждой из этих стратегий идёт масса обязательств. Я не говорю про экспертный уровень этих стратегий. Последние их варианты сильны и очень интересны, но там в них во всех планы, меры, обязательства, которые реально обслуживать некому в том режиме, в котором работает система государственной власти. Я не буду останавливаться на проблемах формирования и реализации российской промышленной политики и на судьбе лучших практик, потому что они, с одной стороны, известны, с другой стороны, нет условий для их распространения.

Сначала оценка того, что произошло. Вот структурные изменения; это оценки Бориса Кузнецова. И видно, что собственно каких-то принципиальных структурных изменений нет: к примеру, повышения доли обрабатывающих производств, увеличения высокотехнологичной продукции в экспорте не произошло. Но, может быть, это произошло хотя бы на уровне отдельных кейсов? Мы рассматривали кейсы по автомобилестроению, по наноиндустрии, по фармацевтике. Это довольно свежие кейсы промышленной политики, скажем так, начиная с 2006 года. Вы знаете, какие выводы? На уровне каждого из этих направлений структурного эффекта нет. Есть определённые позитивные сдвиги, но при этом возникает вопрос: а они стоили тех денег, которые были на них затрачены? То, что вообще со структурной политикой всё не очень просто – это следует из совсем свежих результатов по президентской нанотехнологической инициативе в Соединённых Штатах. Там получилось: с точностью до наоборот направлен поток знаний – не от университетов к компаниям, а в обратную сторону. Это привело к существенному сужению возможностей для обеспечения научных прорывов и сузило вообще поиск в университетах. Вывод какой? Да, промышленная политика позволяет добиться среднесрочных выгод, усилилась коммерциализация этих исследований. Но это существенно нарушает баланс для долгосрочного развития.

Некоторые наблюдения. Что ведет к лучшим результатам? Первое, когда действительно применяются новые инструменты, и не возникает давки среди традиционных групп интересов. Когда есть возможности, чтобы консолидировались новые группы интересов, и те меры, которые применяются, по крайней мере не противоречат интересам ни традиционных, ни новых групп интересов. Второе – когда нет численных показателей. Потому что, если посмотреть ту же штатовскую нанотехнологическую инициативу, то там вообще нет численных показателей. Когда вы занимаетесь промышленной политикой, вы должны, конечно, постоянно мониторить результаты и постоянно выстраивать для себя новые задачи. Внешние эффекты очень плохо прогнозируются, и неправильно потом заставлять коллег, в том числе правительство, имитировать результаты по тем или иным направлениям. Это вот типичная наша беда – смешение целевых индикаторов и индикаторов для мониторинга.

Наконец-то я подошёл к урокам и к вредным советам.

Первое. Категоричность оценок – это очень плохо. Нейтральность любой политики – это, вообще говоря, миф, потому что даже самая нейтральная политика, самые нейтральные налоговые меры – они всегда гетерогенны с позиций отраслей, по-разному на них влияют, и дальше возникает вопрос. Мы ладошками закрываем глаза и говорим: нет-нет, это всё нейтрально – или всё-таки видим реальных бенефициаров? Я за то, чтобы это по крайней мере изучать.

Второе. Да, промышленная политика – тяжёлый непростой инструмент с заманчивыми перспективами. В этом смысле надо сразу понимать, какие группы интересов и как между собой взаимодействуют.

Следующий вывод грустный. В России нет предпосылок ни для реализации вертикальной политики, ни горизонтальной. Здесь я не согласен с тем выводом, что

только для вертикальной политики нужны сильные государственные институты. Глубоко уверен по опыту того, как развивается малый и средний бизнес, конкурентная политика, что и для горизонтальных политик сильные институты очень нужны. Но нам надо всё равно пытаться заниматься в рамках штучных инициатив промышленной политикой, чтобы иметь какие-то возможности и навыки заниматься ей в будущем, потому что мы к этому придём, и при изменении вообще системы государственной власти и администрирования это станет возможным. Мы не можем повторять чужой опыт. Бессмысленно повторять зарубежный опыт в «Сколково», хотя он и может быть использован как повод для входа в новое направление. Но мы, безусловно, можем рассматривать опыт politics в этой сфере, то есть как формируется политика. Большинство экспертов отмечает, что для промышленной политики не просто само содержание (собственно политика), а и то, как она формируется, реализуется и оценивается - не менее, а может быть даже более важно.

Промышленная политика без опоры на обеспечение демонстрационных эффектов – это плохо, это почти не работает, потому что мы себя обрекаем на недостаток ресурсов и на рентоориентированное поведение компаний. И в отрыве от институциональных изменений это тоже не работает, потому что в наших условиях требуются очень серьёзные дополнения в виде конкурентной политики и инновационной политики.

И наконец некоторые принципы. Я их перечислю совсем кратко.

Первый принцип. Вот любимый совет: ни в коем случае не начинать с приоритетов. Переход от приоритетов отраслевых к технологическим ни к чему хорошему не приводит, потому что там свои группы интересов, свои традиционные представления о том, что проводить. Слово «приоритет» у нас занято в том смысле, что ни у кого не хватает политической воли сказать, что что-то не приоритет. Это обидеть кого-то. Это сразу возникает формулировка «нас не поймут». Ну как кому-то сказать, что у нас не приоритетна авиация или не приоритетен космос? Поэтому здесь лучше продвигаться путём каких-то отдельных инициатив.

Разумное количество инициатив, формирование групп поддержки и определение лидеров для реализации инициатив. Задачи координации и принципиальный вопрос накопления критических изменений, потому что в последнее время государство, с одной стороны, запустило ряд инструментов, которые позволяют извлекать новые фигуры, типа технологических платформ, ещё ряд других инструментов сетевых. Но оно же потом активно забирает оттуда людей, которые появляются, забирает к себе во власть и не позволяет концентрироваться там этим людям, которые могли бы быть двигателями изменений.

Естественно, вопрос, связанный с обучением, с навыками. Человеческий капитал не должен быть вне внимания.

И последнее. Не надо лишних законов. Наверное, так устроен ход мысли, что первое, что нам нужно – приоритеты, и второе, что нам нужно – это обязательно закон. Сейчас активно обсуждается вопрос, что нам нужен закон о промышленной политике. Мы хотим потратить время только на то, чтобы обсудить определения? А дальше? Никто не продвинется, потому что мнений о том, как определять промышленную политику в России, ещё больше, чем за рубежом.

Гурвич. Спасибо.

Аузан. Уникальный случай: присутствие всех трёх президентов АНЦЭА на диспуте. Леонид Маркович, приветствуем Вас.

Гурвич. Андрей Евгеньевич, пожалуйста, два коротких вопроса.

Шаститко. Юрий Вячеславович, я обнаружил ссылку, точнее даже - Вашу цитату в одной из последних публикаций в «Эксперте», которая, на мой взгляд, не может здесь не быть озвучена, и за ней вопрос. Итак, цитата: «у нас очень красивая и эстетичная инновационная политика в узком смысле: инновационные инструменты, стимулирование, предложение инноваций. Но только если куда-то выбросить или поменять внешнее окружение в виде неэффективных институтов, невнятной технологической политики и неразвитой конкуренции».

. Вопрос. Настолько ли всё безысходно, и, если нет, то что в первую очередь нужно поменять в этом окружении, чтобы всё-таки увидеть более значительные изменения? То есть приоритеты как объекты воздействия в этом окружении Вам видны, или это просто какие-то ограничения, которые мы воспринимаем как данность, и всё. Соответственно, делаем то, что возможно, в рамках этих ограничений?

Второй вопрос. Если Вы согласны с мнением, что возможные позитивные эффекты промышленной политики погашаются на стыках с другими направлениями экономической политики, а возможность снятия этих ограничений упирается в существующую систему госуправления и в плане компетенции, и в плане распределения функций, и в плане стимулов, то, с Вашей точки зрения, какие из направлений промышленной политики в современной России наименее подвержены вот такого рода погашающим эффектам? Вот можете ли Вы что-то сказать ободряющее в этом плане? Спасибо.

Гурвич. У Андрея Евгеньевича очень длинные были вопросы. Вам придётся коротко отвечать, чтобы компенсировать это.

Шаститко. Извините.

Аузан. Ответ: да, нет, не знаю.

Симачёв. Первый вопрос. И, кстати, он будет ответом сразу на второй вопрос. Я думаю, что есть очень существенные резервы в улучшении качества государственного администрирования. Есть такие повестки, от которых трудно отказаться, когда они предлагаются для власти, как то: независимая экспертиза, может быть, через какое-то время будет лучше проходить идея делегирования прав и ответственности. Потому что без такой автономизации промышленная политика эффективно работать не может. То есть нельзя собирать какой-то позитив на одном уровне, а весь негатив – уровнем ниже.

Мне кажется, давно назрел вопрос о политических министерствах или лидерах. И вот один из примеров, когда что-то может делаться в области промышленной политики – ну должны быть фигуры-тяжеловесы среди министров, которые могут принимать такие решения. Когда-то это был Греф. И в этом плане блокировать решения других министерств, которые иногда нарушают саму идеологию тех или иных изменений – это важно и правильно, потому что ведь аппарат правительства работает прежде всего по принципу: как можно меньше конфликтов выносить выше. Его за это ругают как раз, если какая-то конфликтная ситуация доводится на уровень правительства. Но если ситуация бесконфликтная, то она, собственно говоря, не решает никаких проблем, и никто на себя личного персонифицированного риска за те или иные результаты не принимает. Никто не заявляет, что он связывает именно свою деятельность с тем или иным направлением.

Я считаю, что у нас возможности есть, особенно в плане развития новых секторов. И если это будут штучные инициативы с персональной ответственностью – да, наверное, это возможно. Хорошо, если там будет меньше стандартных инструментов поддержки, чтобы не приходили известные игроки со словами, что они теперь занимаются и нанотехнологиями, и всем тем новым, что требуется.

Гурвич. Это ответ на оба вопроса, правильно?

Симачёв. По-моему, даже на три.

Гурвич. Даже ещё на не заданные. Спасибо.

Так, Андрей Евгеньевич, пожалуйста, Вам двадцать минут.

Шаститко. Спасибо. .

Итак, я свою презентацию озаглавил фактически тремя вопросами, добавив к четырем, предложенным организаторами диспута.

Итак, Первый вопрос. Нужна ли России промышленная политика и можно ли представить нашу власть без попыток реализовать промышленную политику? Короткий ответ. Да, промышленная политика нужна вчера, сегодня и завтра, и если называть вещи своими именами – нет, я вообще не понимаю, как представить нашу власть без попыток реализовать промышленную политику. В том числе и по причине того, что в той или иной

форме всё равно проводится идея догоняющего развития или асимметричного ответа, как угодно это называйте. Но если говорить о представлении власти в плане результативных попыток, вот здесь я думаю, можно представить себе, что такое безрезультатная промышленная политика, если речь идёт об эффективностных характеристиках предполагаемых результатов.

Второй вопрос. Возможна ли в нашей стране продуктивная промышленная политика, или лучшая промполитика в наших условиях – это её отсутствие? Ответ. Да, конечно же, возможна. Юрий Вячеславович здесь объяснил, что в некоторых случаях можно даже говорить о вполне успешных начинаниях и, может быть, даже где-то результатах. Кроме того я, в общем, затрудняюсь себе представить отсутствие промышленной политики в современной экономике, если только не предполагать, что в современной экономике возможно вообще отсутствие какой бы то ни было политики. Здесь мы могли бы удариться в дефиниции, что мы называем политикой и что политикой (как набор некоторых действий со стороны власти) называть не следует. Кроме того, Юрий Вячеславович уже говорил о том, что вообще-то политика политике рознь. Есть селективная политика, которая, соответственно, бывает и защитная, и стратегическая; есть так называемая горизонтальная промышленная политика. Поэтому, конечно же, здесь необходимо уточнять, о чём идёт речь. Но то, что совершенно точно ни в России, ни в других странах говорить о государстве как о ночном стороже, который не входит ни в какие игры, связанные с выстраиванием экономических обменов и, в общем-то, не занимается даже строительством институтов, потому что они как бы откуда-то уже существуют, – это, конечно же, утопия. И поэтому исходить из этого как из некоторой точки отсчёта бессмысленно.

Когда мы говорим о том, промышленная политика – это всё-таки способ деградировать институты или способ их развития – для начала, если мы всё-таки говорим о промышленной политике как инструменте развития и обеспечения экономического роста, хочу напомнить дискуссию, которая велась при активном участии академика Полтеровича. Одна из базовых идей: для того чтобы вообще-то заниматься улучшением институтов, может быть мы сначала как-то приподнимем жизненный уровень населения, а как же жизненный уровень населения без экономического роста? Поэтому если заходить с этой стороны – понятно, что трудно обойтись без промполитики. Однако многое зависит от понимания, каков состав промышленной политики, говорим ли мы по старинке о селективной политике (посмотрите, кстати, текст проекта закона «О промышленной политике в Российской Федерации»), а стыдливо где-то по углам распаханы горизонтальные компоненты этой политики. Конечно же, речь идёт о том, каков дизайн и как спроектированы инструменты промышленной политики. Говорим ли мы, например, о поддержке экспортно-ориентированных отраслей, или по каким-то причинам мы начинаем говорить о том, что мы поддерживаем отрасли, в основном работающие в том числе и на внутренний рынок. И здесь хотел бы обозначить стык с конкурентной политикой, сразу обозначить позицию комиссии ЕС. В ЕС, в общем, принят принцип нецелесообразности предоставления государственной помощи. Почему? Основная проблема связана как раз с ограничением конкуренции. И здесь мы обнаруживаем признаки лобового столкновения между селективными инструментами промышленной политики и конкурентной политикой.

Можно ещё тут сказать об уроках реализации промышленной политики в России и как насчёт того, чтобы эти уроки всё-таки в конце концов были выучены властью. Ответ. Ну, мы все любим обсуждать какие-то новые прожекты. Понятно, что изобретение велосипеда – это увлекательное занятие, но, как показывает практика, это далеко не всегда хорошо. Но может быть даже ещё хуже: увидев что-то на стороне, попытаться это применить у себя в родной стране. Здесь привет из теории импорта институтов в том числе.

Кроме того, пуговицы могут быть пришиты идеально, рукава могут быть выкроены и пришиты замечательно, но сам по себе костюм – безобразный. Извлекая уроки, надо честно ответить на вопрос: пуговицы или костюм? На мой взгляд, рассматривать пуговицы на таком костюме не имеет особого смысла.

Четвёртый важный момент. Надо исходить из предпосылки, что власть сама по себе обучаемая только в порядке исключения. И это не связано с тем, что там какие-то неквалифицированные люди работают или ещё с какими-то аспектами. Это в том числе связано просто с повседневным режимом функционирования, с некоторой рутинной, в которую вовлечена основная масса госслужащих.

Но и это ещё не всё. Я хотел бы напомнить о колодце Григорьева, который нам – группе СИГМА образца 2007-2009 гг - подарил образ. Речь идёт о том, что если вы хотите решить проблемы развития и всё-таки выстраивания какой-то траектории, вы не забывайте, что есть бизнес, есть общество, в том числе и организации гражданского общества, есть власть. Попробуйте вот из этого колодца выбраться в одиночку. Ну, вот тут есть, конечно, лестница, но она до верха колодца не достаёт, можно только упёршись спинами и действуя согласованно выбраться на поверхность.

2009 год... Я хотел бы напомнить, что в 2009 году в Пикалево произошло очень неприятное событие для власти. Это небольшой городок примерно в двухстах километрах от Санкт-Петербурга, всего двадцать тысяч жителей. Но этот город был одним из самых заметных центров протеста, и напомним, что именно в этот город тогда премьер-министр Владимир Владимирович Путин срочно приезжал - чтобы разобраться с взаимоотношениями между разными бизнесами. Острота момента иллюстрируется не просто массовыми выступлениями, но перекрытием федеральных трасс, предшествовавшими этим событиям массовыми увольнениями и в связи с этим - резким снижением уровня благосостояния. Вот это короткая иллюстрация того, что там происходило.

Чем это всё закончилось в качестве промежуточного результата? Визитом Владимира Владимировича и принудительным подписанием договора между двумя предприятиями, то есть фактически включением режима вынужденных обменов под пристальным взором премьер-министра. В чём проблема? А проблема в том, что в советские времена в пятидесятые-шестидесятые годы был создан комплекс, который, с одной стороны, производил глинозём, а при производстве глинозёма образовывались два вида отходов, и эти отходы перерабатывали, соответственно, в соду и в цемент. Однако в результате приватизации что мы получили? Мы получили, что вот эти три элемента были «разобраны» разными бизнес-группами, и у этих групп, естественно, сложились между собой непростые договорные отношения. И как раз «Русал», видимо, решил в какое-то время, что нужно, наверное, как-то обновить своё производство. В результате обновления производства те самые отходы, видимо, не предполагалось никуда поставлять, потому что их могло и не быть.

В результате что получилось? В результате включилась Федеральная антимонопольная служба, которая применила десятую статью закона «О защите конкуренции» об изъятии вот этих самых отходов из обращения. Потому что это же товары для вот этих двух предприятий. Откуда это всё берётся? Это привет из девяностых годов, наследие советской экономики, результаты приватизации. Поэтому, когда говорят о том, что прошлые ошибки роли не играют, это не совсем так. Всё-таки надо помнить, что мёртвый до сих пор хватает живого, это долгоиграющая проблема.

Кстати говоря, основания пикалёвского синдрома – попытка решения накопившихся проблем действенными мерами, но с краткосрочными позитивными и сомнительными долгосрочными эффектами - очень хорошо перекликается с тем, что есть в работе Уильямсона «Экономические институты капитализма», когда рассматриваются специфические по местоположению активы. Многолетнее игнорирование (или недооценка) самого факта проблемы ведёт к дезорганизации вследствие приватизации и

либерализации. Это, в общем-то, уже фиксировалось в конце девяностых годов. В общем, выбор инструмента реакции на создавшуюся проблему был весьма и весьма своеобразным, если бы были возможности и желание действовать в пределах более широких временных рамок. Вместо того чтобы создавать условия для формирования новых бизнесов, для сокращения экономических расстояний между населёнными пунктами и формирования того, что называется благоприятными условиями для создания предпринимательской среды, в результате мы получили очень жёсткий вариант применения директивного регулирования, да ещё в одежде антимонопольного регулирования. То есть мы получили многократный ухудшающий эффект. И вот этот эффект показывает, что сами по себе проблемы промышленной политики, когда мы обсуждаем вопрос, что можно было бы сделать, неотделимы от вопросов смежных, примыкающих направлений экономической политики, потому что непоследовательное применение промышленной политики очень сильно корёжит применение или дизайн конкурентной политики. Отсюда многочисленные перекосы и, соответственно, многочисленные вопросы и по альтернативным вариантам решения: ставились ли вообще такие вопросы, каким образом рассматривались варианты, кто здесь предлагал какие-то оценки до реализации мер, после реализации мер. Не могу вновь не согласиться с Юрием Вячеславовичем: вопиющим провалом в реализации промышленной политики является последовательность действий, когда анонсировали какие-то меры, даже запустили что-то, а потом забыли. В том числе забыли померить, но к чему предпринятые меры привели? А забыли померить в том числе почему? Потому что как только представят количественные оценки, возникает следующий вопрос: а кто принимал решения, а кто ответит за эти решения и где эти люди.

Далее вопрос. Что, недостаточно направлений, вариантов, инструментов решения проблемы? Ну, Юрий Вячеславович здесь гораздо лучше меня рассказал, что этих направлений и инструментов более чем достаточно – и традиционных, и инновационных. Вот здесь (на слайде) список, который так или иначе пробовали в России в разные времена, вплоть до квазиюрисдикции под названием «Сколково», в том числе развитие национальной инновационной системы, о которой я тоже немножко поговорю позже. Когда три минуты останется, скажите, пожалуйста.

Но прежде всего я хотел оговориться, что всё-таки когда мы говорим о промышленной политике, даже об одном и том же инструменте промышленной политики, следует учитывать контексты. Вот почему я снова хотел бы обратить внимание, что сценарии-стратегий, которые обсуждались группой СИГМА продолжают оставаться актуальными, пусть даже некоторые стратегии уже нереализуемы. Одни и те же инструменты будут работать по-разному в зависимости от того, какие сценарии-стратегии реализуются. Неужели так всё плохо или всё-таки невозможное возможно? Я склонен здесь подтвердить, что невозможное возможно. И на уровне отдельно взятой подотрасли можно обнаружить даже такой вот удивительный феномен, когда буквально за несколько лет частные компании по каким-то (на первый взгляд) непонятным причинам инвестировали около десяти миллиардов долларов своих средств без привлечения ресурсов государства и в результате создали собственную подотрасль по производству труб большого диаметра.

На всякий случай напомним, что у нас не было своей подотрасли, в том числе, видимо, и по причине сделки века «газ – трубы», когда мы просто импортировали из Германии трубы, и это всех устраивало. Но как раз с 2005 года процесс пошёл, но тут подключились антимонопольные органы, и в 2011 году было открыто дело против четырёх крупнейших производителей труб, буквально против всех российских производителей труб большого диаметра, и их изначально обвиняли в сговоре и разделе рынка. Это пункт 3 части 1 статьи 11 закона «О защите конкуренции». Если бы их признали виновными, то, в принципе, должностным лицам могло грозить примерно до трёх лет лишения свободы согласно 178-й статье уголовного кодекса. Но для

потенциальных фигурантов всё обошлось благополучно. И первое, и второе дело буквально в прошлом месяце закрыли. Но всё-таки остаются вопросы, а что же это такое было.

Вот таблица (см. слайд) показывает, что на самом деле годовые мощности, которые были созданы в результате инвестиций, в общем, впечатляют. Но вопрос, который остаётся как бы вот подвешенным: а какой ценой это было сделано? Потому что за кадром остаётся то, что немецких производителей сильно подвинули, естественно, применив ограничительные меры, японских производителей подвинули. Как это может сказаться или уже сказывается на условиях конкуренции внутри России, возможностях конкурировать на внешних рынках? Есть проект «Южный поток», где предполагаются довольно большие объёмы поставок, в том числе и в Европу. Каким образом российские компании будут реализовывать свои амбиции, если уже есть факт, что японцев и немцев на российском рынке подвинули? Не попробуют ли немцы использовать более хитроумные способы, в том числе, скажем, через формирование специальных технических требований, чтобы, соответственно, подвинуть российских производителей, то есть заплатить той же самой монетой?

Ну и вопрос, без которого невозможно обойтись, обсуждая промышленную политику в связи с построением национальной инновационной системы: какое развитие без конкуренции, конкуренция без нововведений, нововведения без результатов интеллектуальной деятельности, ну и результаты интеллектуальной деятельности без конкуренции? Оказывается, последнее вполне даже может быть, и с этим связана одна из широко обсуждаемых проблем. И это проблема, основанная на весьма и весьма специфическом представлении о дилемме разработчиков. Хочу вновь упомянуть проблему «Сколково», потому что здесь совпали векторы действий «Сколково» и Федеральной антимонопольной службы: приоритет обеспечения доступа к уже существующим результатам интеллектуальной деятельности и в связи с этим снятия каких бы то ни было ограничений для применения антимонопольного законодательства в отношении и по поводу результатов интеллектуальной деятельности. Это отдельный вопрос, но он на самом деле, поверьте, очень серьёзный для добросовестных правообладателей, в том числе и российских правообладателей. Почему такое возможно? На мой взгляд, одно из объяснений – это снова попытка найти простое решение и снять низко висящие плоды.

Какие уроки можно было бы извлечь, хотя понятно, что выглядит это несколько риторически, но тем не менее. Мы видим, что везде как бы неявно, по умолчанию присутствует проблема узкого горизонта принятия решений. И вопрос в том, как всё-таки создать условия для того чтобы те, кто принимают решения, учитывали отдалённые последствия этих решений. Существуют ли какие-то инструменты, для того чтобы всё-таки люди, предлагающие что-то, понимали, что за эти решения с них спросят так или иначе (безусловно, имеет значение кто именно и на каком основании). Понятно, что вот к этому примыкает второй урок. Каким-то образом нужно расширить организационную память. И снова системный мониторинг. До тех пор пока мы не будем иметь налаженной системы ex post оценки реализованных решений, я думаю, что без нашего брата экономиста просто не обойтись. Мы и дальше будем продолжать в том же самом духе.

И, конечно же, вопиющая несбалансированность. Я не случайно говорил про пиджак, потому что здесь наблюдается феноменальная несбалансированность. В частности, Леонид Маркович какое-то время назад говорил о региональных энергетических стратегиях примерно в таком духе, что если их все вместе попытаться реализовать, то это будут затопленные огромные площади, водохранилища искусственно созданные, по которым будут плавать плавучие атомные электростанции. Вот так примерно выглядит, если собрать в кучу региональные энергетические стратегии. Здесь нужно понимать, что всё-таки один из вызовов, на который, наконец, нужно ответить – это вызов инструментальный. Как всё-таки последовательно решать вопросы

сбалансированности конкурентной и промышленной политики, хотя потенциально это уже даже инструмент есть. Есть специальная комиссия в структуре правительства (Комиссия по конкуренции), которая могла бы по крайней мере заняться системным решением этого вопроса.

Это, конечно же, вопрос связи и балансировки антитраста и экономического регулирования: когда антитраст фактически реализуется в режиме экономического регулирования, то есть когда мы возвращаемся в первую половину девяностых годов, но это никуда не годится, потому сильно искажает стимулы. Возможно, существует понимание факта несбалансированности, но практических шагов поиска лучшего баланса не видно.

Ну и, конечно же, на первый взгляд, посторонние темы: оценка регулирующего воздействия и бюджетный процесс. Вот как опыт Швеции показал, что если вы попытаетесь бюджетный процесс отреформировать, как вы будете проводить мероприятия промышленной политики вне структуры управления по результатам? Бюджетный процесс. Ну, вот выяснилось, скажем, по Швеции, что не получается отреформировать нормально бюджетный процесс без внедрения нормальных процедур оценки регулирующего воздействия.

Спасибо.

Гурвич. Спасибо. Юрий Вячеславович, Ваши вопросы.

Симачёв. Два вопроса. Первый вопрос относительно простой. Известно, что большинство экспертов считают по определению конкурентную политику хорошей и заведомо позитивной, а промышленную – не очень хорошей и опасной. Вот как Вы считаете, не оказывается ли так, что в условиях России это правило не действует, либо действует иным образом, когда конкурентная политика создаёт большие угрозы для экономики?

Второй вопрос. Была недавняя публикация в «Эксперте», есть много обсуждений на тему: нам нужна догоняющая стратегия, опережающая стратегия, какой сценарий, как нам переходить к шестому технологическому укладу. Правда, мне так кажется, про эти уклады в основном у нас говорят. Вот я хочу понять, а вообще имеет смысл это обсуждать или лучше забыть вот про глобальные изменения и предложить в каких-то стерильных наблюдаемых условиях реализовать правительству одну, две, три инициативки, чтобы за ними можно было понаблюдать? Или действительно задача перехода к шестому технологическому укладу – это то, что нам надо, чтобы показать во всей красе промышленную политику?

Ведущий. Спасибо.

Андрей Евгеньевич. Когда используется термин «конкурентная политика» следует учитывать, что она сама по себе составная. Есть защитная конкурентная политика, которая в основном и представляет собой классический антитраст. Сюда же можно отнести и противодействие недобросовестной конкуренции. Есть активная конкурентная политика, связанная и с приватизацией и с созданием новых рынков. В том числе, в результате проведения административной реформы и реструктуризации отдельных отраслей (включая отрасли с естественно монопольным компонентом). И с этой точки зрения, когда мы говорим о структуре конкурентной политики, здесь есть значительная область пересечения промышленной политики и конкурентной политики. Это – первый момент. Если конкурентная политика в части активной – плохая, то в этой же части будет плохая и вредная, если она плохо проводится, и промышленная политика.

Что касается защитной конкурентной политики, то, увы, можно и нужно признать, что так, как зачастую применяются инструменты пресечения злоупотребления доминирующим положением, противодействия картелям, контроль сделок, экономическая концентрация, есть основания говорить о дисфункциональном антитрасте. Можно было бы и получше. Теперь, что касается пятых и шестых укладов, стратегий. И, может быть, одно или два направления. Не могу не вспомнить поговорку, которую и

Александр Александрович любит воспроизводить: «Если вы хотите всего и сразу, будете получать ничего и постепенно». Но если мы понимаем это, если мы действительно чего-то хотим, то так или иначе придется себя ограничивать в чем-то. Каким образом ограничивать себя в чем-то? Мы в любом случае уткнемся в вопросы групп интересов. Где, какие балансы можно будет нащупать? Я, честно говоря, склонен верить в то, что, когда мы слышим о каких-то страшных делах, связанных с коррупцией и с избыточными расходами, отчасти, может быть, это и так. Но, я думаю, что вторая половина – это просто столкновение разных групп.

Аузан. Спасибо, Андрей Евгеньевич. Мы начинаем собирать вопросы. Просьба, у нас сегодня очень много народу, формулировать коротко, минимальное количество вопросов.

Костенко. Один вопрос. Вы сказали, что ЕС не оказывает господомощи. А как тогда вы объясняете то, что Европейский Центральный банк представил примерно триллион евро. Это разве не есть проявление помощи? Пусть они не дошли до реального сектора, но тем не менее.

Муж. В докладе прозвучало мельком: учет, анализ и аудит. Как это: учет, анализ, аудит? Речь шла о том, там мельком, одной строчкой, прозвучал тезис о кластерном подходе. Дело все в том, что в регионах имеет место быть своя промышленная политика – региональная. Во всех наших российских территориях. Вопрос: учитываем ли мы в наших промышленных моментах тот подход, который имеет место быть на практике – кластерный подход, который сформировался во многих регионах? В этом заключается суть вопроса.

Муж. Высшие компьютерные курсы бизнеса. А где те управленцы, которые будут эту промышленную политику реализовывать? Их нет. Где их взять, этих управленцев?

Кокурина. Факультет психологии, Кокурина Ирина Георгиевна. Не приведет ли конкурентная политика исключительно к перераспределению уже распределенного и приватизированного? Ведь конкуренция основана на социальном сравнении. То есть конкуренция без достижения, без стимулов к достижению, не приведет ли она к продразверстке, то есть к тому, что мы уже проходили?

Лякин. Лякин Александр Григорьевич, Санкт-Петербургский государственный университет. У меня вопрос к Юрию Вячеславовичу. В качестве перманентного недостатка промышленной политики было названо то, что нет ни попыток оценить результативность, ни попыток оценить эффективность проводимой промышленной политики. Скажите пожалуйста, применительно к какому типу экономической политики рассчитывается и оценивается эффективность и результативность? И, если можно, результаты этих расчетов.

Александр. Вопрос к Юрию Вячеславовичу. В начале 2000-х активно использовался механизм инновационных проектов. И важнейший инновационный проект сейчас – возрождение активной промышленной политики. Считаете ли вы, что надо вернуться к чему-то подобному? И насколько оцениваете целесообразность этого?

Жен. Татьяна Анатольевна, экономический факультет. Вопрос к Юрию Вячеславовичу. Вы показали в докладе, что в промышленной политике используются инструменты для бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики. В этой связи нельзя ли уточнить, является ли она более конкретным направлением бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, или у нее есть какая-то специфика, которая делает ее равнозначной с бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политикой?

Винокуров. Сергей Винокуров, журнал «Вопросы экономики». У меня вопрос к Юрию Вячеславовичу. Нельзя ли считать, на ваш взгляд, в конкретных российских условиях, использование инструментов промышленной политики своего рода попыткой реставрировать методы централизованного планирования советского времени?

Дегтярев. Дегтярев Андрей Алексеевич, факультет политологии МГИМО и факультет прикладной политологии Высшей школы экономики. У меня вопрос к

докладчикам в отношении групп интересов. Вы все время говорили о конфликте и довольно жесткой конкуренции между группами интересов. Иногда она идет на добивание поставщика. Возможно ли создание каких-то коалиции при участии лиц, принимающих решения, которые занимались бы терапией в урегулировании этих конкурентов? То есть построение коалиции для поддержки этих проектов.

Вопрос. Андрей Евгеньевич, у меня философский вопрос. С вашей точки зрения конкуренция везде и всегда продуктивна или нет? Можно ответить примером.

Колосова. Экономический факультет МГУ, кафедра экономики труда и персонала. Не отнесите мой вопрос к демагогическим, он профессиональный: какова действительная связь между промышленной политикой и занятостью? То есть промышленная политика определяет состояние рабочих мест. А возможна ли, на ваш взгляд, может быть, гипотетически, а может быть, в какой-то модели, ситуация, когда занятость будет предпосылкой промышленной политики? Так, как поступал Китай на определенной стадии своего развития. Как вы думаете, может ли существовать группа интересов, защищающих эффективную занятость в рамках промышленной политики?

Поваляев. У меня вопрос к Андрею Евгеньевичу. Был упомянут пикалевский случай. Я, к стыду своему, не знаю, какое решение там было принято. И был бы рад вкратце услышать, какое оно? И какое должно было бы быть в идеале принято?

Куделин. Александр Куделин, экономический факультет МГУ. В новом законе о промышленной политике, который написал Минпромторг, предусматривается три инструмента промышленной политики: создание отраслевых фондов, создание списка нескольких проектов, которые будут освобождаться от налогов сроком до 10 лет. и создание государственной информационной системы промышленности. Как вы оцениваете эффективность и целесообразность этих инструментов?

Вопрос. Есть проблемы, связанные с историческим аспектом, что-то надо убирать и старое ликвидировать. А есть промышленная политика, направленная на то, чтобы расти. В какую сторону нам сейчас эти инструменты использовать?

Аузан. Спасибо всем. Мы завершили. Пожалуйста, Андрей Евгеньевич.

Шаститко. Что касается ЕС. Речь идет, прежде всего, о не безоговорочном запрете, а о презумпции довольно-таки нецелесообразной реализации господомощи. И здесь большой вопрос, что попадает в множество этих действий, которые характеризуются как господомощь, а что туда не попадает? На этом поле много вопросов – если их решить экономически, это будет все равно господомощь.

Насчет кластеров. Это один из популярных методов. Но когда говорят о кластерах, о создании с нуля, не понимая, что лучше все-таки ответить на вопрос: «В каком состоянии существует кластер? В какой стадии он находится?» На самом деле, большая проблема в том, чтобы оценить наличие или отсутствие кластера. У нас был проект, который привел к контринтуитивным результатам в Нижнем Новгороде. Мы обнаружили, что кластер, скажем, РИКТ, скорее всего, есть, а вот кластер по автомобилестроению, скорее всего – нет. По тем признакам, которые мы уловили.

Где управленцы? В принципе, можно было бы частично решить этот вопрос. Я хочу напомнить про компанию по набору независимых директоров в компании с госучастием. Это была довольно активная компания. Даже я полгода удивительным образом побывал в совете директоров одной из компаний. Единственное, что я не понял, - каким образом меня оттуда убрали. Это была загадка. Это была компания «Росагролизинг». Прошло всего полгода. Я даже толком не успел разобраться, что там внутри происходит.

Что касается перераспределения через промышленную политику. Здесь нельзя не вспомнить многочисленные комментарии, в том числе и комментарии Бориса Викторовича и оценки, которые были даны Леонидом Марковича по поводу того, что произошло в результате приватизации. В результате приватизации произошла латиноамериканизация нашего капитализма. Латинская Америка довольно хорошо

выделяется перманентным перераспределением, в том числе, и прав собственности. Это такая неизбежная цена. Мы через промышленную политику вполне можем иметь и перераспределение прав контроля, и полный букет. Такое вполне возможно.

Насчет коалиций, то есть групп для медиации конфликтов. Это очень хороший вопрос. Я серьезно об этом не задумывался. Я подумаю, можно ли представить, что такая группа существует и будет ли спрос на услуги этой группы и, что будет, если их услуги закончатся ничем? Как они будут отвечать тогда перед интересантами?

Всегда ли продуктивна конкуренция? Нет, конечно. Во-первых, недобросовестная конкуренция, с очень большим перечнем действий, которые подпадают под недобросовестную конкуренцию – конечно, не продуктивна. Есть еще такой важный пункт в жестком внедрении траста – правило взвешенного подхода. Оно как раз используется для того, чтобы те случаи, когда мы видим признаки ограничения конкуренции, не являлись основанием для запрета тех или иных бизнес-практик. Это очень широко применяется как для вертикальных, так и для горизонтальных соглашений. В том числе и для соглашений о совместной деятельности между компаниями-конкурентами или потенциальными конкурентами.

Кроме того, здесь есть еще один нюанс, связанный с тем, что такое конкуренция, как ее интерпретировать. Напомню, что в теории трансакционных издержек конкуренция рассматривается, как одно из ключевых свойств процесса контрактации. В том случае, если у нас используются активы общего назначения, у этого механизма есть преимущество даже в условиях ограниченной рациональности и склонности участников экономической деятельности к оппортунизму. Но как только мы сталкиваемся с тем, что есть доступ к специфическим активам – потенциально существенно более производительным, чем активы общего назначения, у конкуренции, сравнительные преимущества сильно ослабляются.

Что касается промышленной политики и занятости. Я бы сказал, что занятость может рассматриваться не столько как условие промышленной политики, сколько как одна из форм или направлений ее реализации. Когда политика ориентирована на то, чтобы создавать рабочие места. Есть фокусировка на технологиях, есть фокусировка на продуктах, а есть фокусировка на ресурсах. Это как раз случай, когда мы говорим о промышленной политике с фокусировкой на ресурсах.

Теперь по поводу Пикалево. В презентации упомянуты три бизнес-группы: «РУСАЛ», «ФосАгро» (компания «Метакхим»), и «Евроцемент» (компания «Пикалевский цемент»). Ситуация в результате завершилась тем, что приехал Владимир Владимирович и заставил руководителя Русала подписать контракт с «ФосАгро». Этот памятный момент зафиксирован на фотографии.

Однако на самом деле это не разрешило проблемы, хотя оперативное вмешательство, безусловно, было очень действенным и эффективным. Я попытался отследить, что там происходит дальше. Никаких выходов на федеральные трассы нет. Ситуация, похоже, мониторится, потому что я в интернете обнаружил новогоднее поздравление Владимира Владимировича жителям Пикалево.

Обсуждается вопрос создания, кажется, текстильного, кластера. Я, честно говоря, не очень понимаю, причем здесь текстиль. Но лиха беда начала – почему бы нет? То есть процесс вроде бы идет.

Дальше, про проект закона о промышленной политике. На счет отраслевых фондов – здесь можно без комментариев? На мой взгляд, тут особо не о чем говорить, потому что при нынешнем подходе к определению того, кто принимает решения, как принимают решения, как потом отвечают за принятое решение, - ну, не надо. Я не вижу особого смысла.

Что касается инвестиционных проектов, может быть, и можно было бы это пообсуждать. Есть в тексте термин «инвестиционный контракт». Хотя он употребляется

всего лишь один раз, и каким образом этот механизм работает, остается загадкой. Опять же, непонятно. .

Государственная информационная система – ну, почему нет? Я думаю, что, если эта информация поможет бизнесу, который, может быть, вообще ничего не знает, ни о чем не подозревает, принимать решения. Хотя у меня большой вопрос, во что обойдется создание вот этой системы, если энергетики до сих пор не могут переварить создание системы по одной отдельно взятой отрасли.

И вопрос промышленной политики как защитный или в русле стратегической промышленной политики – я боюсь, сделать однозначный выбор не получится, потому что вот таких вот Пикалево, я думаю, у нас не один десяток. Это просто острый случай, так получилось. Где в следующий раз это может быть – неизвестно. Я, скажем, представляю, при неблагоприятном стечении обстоятельств, к каким последствиям может привести принятие решения по одному из антимонопольных дел, применительно к градообразующим предприятиям. И если судебные исполнители правильно выполняют свой долг, думаю, что мало не покажется. Там может возникнуть вполне не такая же, но похожая ситуация. Я надеюсь, что стратегические выводы все-таки были сделаны после пикалевского случая. Я просто не знаю, какие именно выводы. Я хотел бы надеяться на это. Спасибо.

Юрий Вячеславович. Коллеги, первый вопрос был, вообще говоря, по оценке эффективности, результативности. За рубежом такие оценки делаются, применительно к инновационной политике это есть. Есть достаточно серьезный инструментарий, есть сопоставление между странами ЕС по влиянию тех или иных стимулов. Есть методология, которая у нас практически не используется. Когда оцениваются входные изменения, как, например, расходы на инвестиции, расходы на НИОКР; выходные изменения – имеется в виду доля на рынках, доля новой продукции, производительность; поведенческие изменения, на что у нас вообще никто не смотрит. В этих трех разрезах и идет достаточно подробная, а самое главное, регулярная оценка. И когда я говорил, что нам нужно внедрять оценку эффективности, результативности, то я имел в виду то, что мы двигаемся по пути экспериментов. У нас их очень много. Но мы не видим, какой эксперимент был успешен, какой – безуспешен, какой надо расширять или нет. Потому что мотиваций внутри министерств и ведомств нет к такому процессу и, вообще, к независимой оценке. По той причине, что у нас нет права на ошибку. У нас все стремятся до последнего доказывать, что все было правильно и хорошо. И даже нынешние проблемы – это результат успешной политики в прошлом, как мы услышали относительно недавно. Можно каждый раз изобретать новые словоформы, но они нас не продвигают к конструктиву. И никого не успокаивают.

Я о том, что если мы не чистим поле госполитики от неэффективных инструментов, то у нас, безусловно, нет ресурсов на расширение эффективных направлений. И тогда возникает защитная реакция у тех, кто распределяет деньги: к любой новой инициативе относиться с подозрением. А перешибать это можно только за счет амбициозных планов, по которым уже изначально понятно, что они не будут выполнены. Значит, нет мотиваций к проверкам.

А в рамках промышленной политики изначально очень сложно угадать результаты. И не только у нас. Поэтому регулярный пересмотр рамок важен: сначала вы видите одни проблемы и задачи, а потом оказывается, что инструмент начинает работать как-то не так. У нас, в российской экономике, большинство этих инструментов начинали работать не в соответствии с целевыми показателями, а по каким-то другим направлениям они оказывались эффективными. Надо видеть эти направления. Потому что мы не видим ни хорошего, ни плохого. Либо иногда видим только плохое.

Мегапроекты – да, была такая практика. Это партнерство между различными игроками. Это можно было бы поддерживать. Но была ориентация на «мега». Эта любовь к очень крупному, к очень заметному, политически емкому, чтобы об этом можно было

бы поговорить. А это значит мощнейшее лоббирование, давление. И через какое-то время стало понятно, что все, там больше ничего нет. Сейчас более позитивная практика – это matching grants, поддержка взаимодействия промышленных компаний с вузами, потому что это другие объемы, и результаты интересны именно с позиций поведенческих эффектов. Хотят ли стороны дальше друг с другом взаимодействовать. И совершенно не важно, они начали производить инновационную продукцию или нет. Это надо понимать, что произвести инновационную продукцию за бюджетные средства, наверное, все могут. А сориентироваться на то, что так надо жить и дальше, в том числе, и без бюджетных средств, что это по каким-то причинам выгоднее – это гораздо важнее для устойчивых изменений.

По поводу бюджетных инструментов, есть ли специфика для кредитных инструментов? Естественно, она есть. Она, в частности, связана с неизбежной приоритизацией: отраслевой, технологической. Например, у нас есть банк развития – Внешэкономбанк. У него есть отраслевые приоритеты и технологические приоритеты. И он, естественно, по этим направлениям раздает свои средства. Есть у нас иногда и налоговые инструменты, имеющие отраслевой окрасок – такая специфика есть в отношении части компаний ИКТ-сектора.

Да, возможны тарифные инструменты, но у нас они грубы. Как раз недавние исследования показали, что тарифные инструменты, когда речь идет про структуру тарифов, могут работать на повышение производительности, если эта структура определенным образом связана с поддержкой наукоемких отраслей, секторов, где требуются высокие квалификации. Много новых, интересных результатов по госстимулированию получено на эмпирических примерах в других экономиках. У нас это мало обсуждается.

Насчет реставрации социалистической системы планирования – во многих случаях – да, я согласен, потому что промышленная политика стала вписываться в логику централизации власти, общения с населением, ответственности за результаты. И даже сама логика, связанная с последними указами, примерно такая: мы должны создать 25 миллионов высокопроизводительных мест, но я не уверен, что вообще правильно такой индикатор делать целевым. Потому что дальнейшая логика – распределить эти задачи между министерствами и ведомствами, чтобы каждый отвечал за свой кусочек, и каждый отчитывался.

И тогда начинается имитация активности, например, целевой показатель по увеличению расходов на НИОКР в компаниях – все начинают с интересом считать или думать, как начать учитывать эти расходы, что еще в них не учли. Вот такая ориентация ответственных за эти цифры – это вредно, и это, действительно, в какой-то мере реставрация достаточно грубых подходов, которые сейчас уже не работают. Уже совсем иначе устроена экономика, и экономика очень связана сильно с мотивациями, с поведением компаний.

Возможности для коалиции. Вы знаете, они иногда возникали. Это были коалиции между политическими министрами, то есть между Минфином и Минэкономразвития. И вы знаете, в этих случаях что-то происходило. Я вспоминаю один из примеров, когда произошла впервые достаточно фундаментальная, глубокая чистка федеральных целевых программ, которые никто до этого не решался трогать.

Да, эти коалиции возможны, но сейчас, при той модели, которая есть, недостаток политической конкуренции как бы компенсируется такой административной конкуренцией. Но это один из вопросов для обсуждения: а как сделать отбор здесь не негативным, (а по-моему, он негативный), как его преобразовать в позитивный. Потому что министерства друг друга топят. Уже получается, что не те, кто работают, способны добиться какого-то продвижения, наград и медалек, а те, кто, регламент не нарушают. И система устроена так, что даже борьба с коррупцией, по сути, прежде всего бьет на то, что чиновник старается меньше рисковать. Меньше риска – это означает, что почти не

работает демонстрационный эффект, потому что поддерживаются те проекты, которые бы бизнес сделал и так, но зато такие вложения надежны и будет чем отчитаться. Государство должно быть готово иногда рисковать, иногда риски принимать на себя и честно, спокойно за них отвечать. Это нормальная практика, но у нас пока не работает.

Промышленная политика и занятость. Да, занятость – это очень важный фактор, но как только вы его ставите в качестве целевого показателя – возникают проблемы... В общем, на самом деле, создание и развитие нового бизнеса невозможно без того, чтобы сначала с компаний снять все неформальное давление по обеспечению занятости. Сейчас инновационная активность компаний очень мало связана с производительностью, потому что это ничего компаниям особенно не дает, наоборот, ставит их в очень сложное положение: они не могут этих людей вывести на рынок, потому что нет эффективной схемы по поддержке малого и среднего предпринимательства в тех же регионах.

Промышленная политика. Закон. Я очень резко выступал по этому поводу. По той простой причине, что отраслевые фонды – это какая-то лирика семилетней давности. Я уже не знаю, сколько можно об этом говорить, особенно вот с таким романтическим привкусом: дешевые деньги. Что значит – дешевые деньги? Почему они кому-то должны быть дешевыми? Дешевые по сравнению с чем? И почему там не возникнет рентоориентированного поведения, я не понимаю, а, самое главное, у нас этих фондов уже довольно много. Ну давайте вместо того, чтобы насаживать еще кучу институтов и накачивать их деньгами, попробуем дать ответ на вопрос: Почему они так работают? Внешэкономбанк тот же. У него есть отраслевые приоритеты, они тоже дают относительно дешевые деньги, ну и что?

То, что касается информационной системы. А каких сейчас информационных систем не хватает? А что такого узнает государство нового?..

Есть большая проблема, связанная с асимметрией информации. Государство склоняется как раз к поддержке традиционных секторов, потому что оно понимает, что в них происходит. И очень слабо понимает, что происходит в новых секторах, потому что представители новых секторов не сильно мотивированы на взаимодействие с государством. Они не очень рассчитывают или точнее не готовы работать с теми инструментами поддержки, которые государство им предлагает, потому что эти инструменты не дружелюбны. Они проецируют на компании риски. А государство уверено, что оно может деньгами эту недружелюбность инструментов компенсировать.

Для нормальных компаний, ответственных, это не интересно, если могут возникнуть споры с налоговыми органами, если могут возникнуть дополнительные проверки при неясности рисков. Зачем им это надо? Куда расти?

Показательный пример, что с Пикалево должен был разбираться Владимир Владимирович Путин, а не губернатор, не руководитель города. Масса всяких вопросов, связанных с делегированием ответственности и передачей ресурсов на том или ином уровне. Безусловно, децентрализация в политике должна быть. Что касается федеральной промышленной политики, я думаю, она должна быть сейчас у нас направленной на конкурентные сектора и на зарождающиеся сектора новые. Больше шансов получить неангажированные оценки... Лучше, когда новые сектора, есть больше шансов сколотить новую коалицию. Потому что есть проблемы у государства – оно придумывает новые инструменты, а приходят все те же, говорят: «Инструменты плохие, давайте их поменяем в пользу того, с чем привыкли работать».

Аузан. Спасибо, Юрий Вячеславович. Последняя часть выступления – комментарии. Пожалуйста, поднимите руку и некоторое время держите, чтобы мы успели пересчитать всех, кто хочет выступить. Четыре. Значит, у нас есть по четыре минуты. Пожалуйста.

Иванова. Иванова, ИМЭМО. Вот здесь прозвучал такой риторический вопрос Юрия Симачева – может быть, нам сделать приоритетом шестой уклад, строительство шестого или пятого уклада. Ну, в общем, здесь короткий ответ заключается в том, что

никто в мире этого не делает. Поскольку это родилось как бы из академического сообщества... Поэтому, если вы приедете в Silicon Valley и спросите, как у них тут с пятым или шестым укладом, вас скорее всего отправят к психотерапевту. Выслушают, конечно, внимательно, но скорее всего дело закончится этим. Но, к сожалению, у нас это приобрело характер положений в документах, прописанных. Я выступала об этом на Совете безопасности, на разных форумах, в академической и неакадемической среде – ноль. Потому что есть некие другие механизмы.

Дальше. Мне кажется, что сегодняшней дискурс, обсуждение, он был таким чересчур расширительным и не вполне прагматичным. То есть это некоторое несоответствие, мне кажется, предмета промышленной политики как она есть, как она реализуется исторически. Промышленной политике, я думаю, больше 150 лет, и первая промышленная политика, конечно, была сельскохозяйственная политика. И здесь вот этот феномен перевода... Все-таки мы говорим «промышленная политика», и вот то, что звучало сегодня – трубы, удобрения... ну, наше все любимое, что у нас есть... металлургия, алюминий, энергетика... вот что-то такое. Во всем мире промышленная политика – это во-первых, отраслевая политика. И нет такого... Industrial policy – это ни в коем случае не промышленная. Это не mining manufacturing policy. Это отраслевая политика. И наиболее крупными объектами этой политики являются здравоохранение, сельское хозяйство и оборонная отрасли - по масштабам финансирования, если говорить о приоритетах, выраженных в объемах средств, которые перераспределяются. Опять же, приведу из зарубежного опыта. Говорилось о ЕС, о трансфертах. Французские ученые всегда обижаются, что они из ЕС получают в расчете на голову ученого в четыре раза меньше, чем одна французская корова. Это вот, к сожалению, при всем значении научной и технической политики правда, это факт жизни – все перераспределяется в сторону сельского хозяйства, но там, правда, через региональные механизмы.

Вот, пожалуй, всё. Спасибо.

Атнашев. Атнашев Марат, компания «Евраз». Несколько ремарок.

Первая – скорее поделиться, может быть, опытом. У нас за последний год как раз несколько прецедентов, когда мы занимались закрытием производств, и вроде бы как раз кейс, условно, для будущего Пикалево или просто для промышленной политики. Что показывает практика – гораздо проще разговаривать с губернаторами индустриальных центров о том, как сохранить статус-кво, как продлить ситуацию максимально долго, как заткнуть ее... Кстати, было решение по Пикалево - оставить все как есть и как продлить консенсус, не пытались решить, например, поменять уклад, расселить или еще что-то сделать. Мы пытались выходить с предложениями «давайте сядем и поговорим про изменения» – вот этого партнера практически нигде не находится. Неожиданный совершенно переговорный процесс встретили, когда мы пришли в Минфин, сказали, что у нас есть такая идея, есть неконкурентное производство, дайте нам налоговые льготы, они сказали: дадим, если закроете там. Первый раз такое услышали. Обычно стандартная ситуация - дадим, если никогда не закроете и оставите все как есть.

При этом я не согласен, что уже поздно, потому что много, вообще говоря, экономики еще осталось именно в той части, которая неэффективна, не имеет никаких шансов структурно оказаться конкурентоспособной. Там большие проблемы не только экономические, но и социальные всякие, и какие угодно, потому что люди 300 лет живут в этом городке и ничего другого не делали, и, в принципе, очень тяжело... У нас при попытке трудоустройства людей на другие виды работ из 1000 уволенных 20 человек принимают предложения в работе по вахте. То есть они предполагают, что они просто не будут работать. У них есть выходное пособие, пока оно не проедено, они остаются. И это проблема большая, мне кажется, вот в этой части промышленная политика была бы правильным направлением, потому что разобраться нужно, и компании точно это сделать полностью сами не могут.

По опыту создания нового, мне кажется, у нас опыт российский ровно в том и состоит, что все успешные новые созданные отрасли не имеют никакой промышленной политики. Все успехи – ритейл, IT-индустрия, что угодно – нет успешных прецедентов, как правильно было сказано. Ну, может быть, вооружение ... И там персональный, кстати, фактор был большой, там лично на конкретных заводах были правильные люди, которые смогли... Большинство заводов развалилось, но вот у производителей «Сухого» получилось.

Новые индустрии получилось лучше создавать без всякой промышленной политики. Это просто тезис. Я не уверен, что это вывод, но это тезис... Когда я, например, работаю внутри индустриальной компании, я понимаю, что мы проще сами решаем, куда вкладывать деньги и эффективнее. И, как правило, подсказки со стороны мы используем, скорее уже зная, что мы это хотим делать, только после этого начинаем работать со словами «промышленная политика».

Последний тезис. Все-таки для индустриальной части, для бизнеса слово «промышленная политика» близко к слову «лоббизм». И, вообще говоря, используется, конечно, не как промышленная политика для чего-то, а как просто... Ну, нельзя не иметь промышленной политики, потому что когда у вас есть бизнес, то люди хотят разговаривать о своих интересах, поэтому всегда будет тезис о промышленной политике.

Вот у меня три таких тезиса. Первое – лучше заниматься разгребанием того, что уже случилось, там мы хотя бы не изобретаем велосипед, мы просто пытаемся справиться с диспропорциями. Второе – что лучше рынок решает вроде бы о том, куда вкладываться заново и где строить новые индустрии. И последнее – что без промышленной политики мы не обойдемся.

Аузан. Спасибо.

Колганов. Колганов Андрей Иванович, экономический факультет МГУ.

Во-первых, я хочу поблагодарить докладчиков за очень интересное обсуждение проблем инструментов экономической политики. Но это обсуждение навело меня на мысль, что мы постоянно сталкиваемся с проблемой, что нам никак не удастся инструменты уложить в сбалансированную систему, по той простой причине, что эти инструменты у нас не сопрягаются с целями экономической политики. И это главный разрыв. Не то, что мы не можем создать некий комплекс идей, которые позволяли бы эти инструменты правильно использовать, потому что инструменты с целями не сопрягаются. А не сопрягаются с целями они по одной простой причине – отсутствие стратегии. Потому что именно она сопрягает цели и средства.

20 лет мы работаем, не имея стратегии. Нет, о стратегии говорится очень много, но реальной стратегии у нас нет. Ее не было 20 лет назад, ее нет сейчас. Какая-то промышленная политика у нас есть, но она именно какая-то. И поэтому в условиях этой какой-то промышленной политики рынок и бизнес сами по себе работают лучше без промышленной политики, чем с промышленной политики, что уже здесь констатируется. По этой же причине можно констатировать и отсутствие систематического мониторинга эффективности применяемых инструментов. Если целей нет, то зачем тогда проверять их достижение? Потому что частные цели, о которых говорится и которые регулярно выдвигаются – это не стратегия.

Возникает вопрос: почему стратегии-то нет? Почему за 20 лет поиски баланса интересов между группами, принимающими решения, создания коалиций между ними ни к чему не привели? Я не буду здесь говорить о том, что в принципе невозможно найти такие балансы и невозможно создать такие коалиции. Возможно. И опыт других стран показывает, что такие вещи происходили. Но нам, видимо, придется сделать неутешительный вывод применительно к нашей стране. Видимо, все-таки у нас внятная стратегия может появиться не благодаря поиску баланса интересов, который так ни к чему и не приводит, а благодаря конфликту интересов. Причем конфликту интересов не между различными группами лиц, принимающих решения, а конфликту интересов между

лицами, принимающими решения, и лицами, не принимающими решения. Именно этот конфликт всегда и являлся причиной появления некой активно и последовательно осуществляемой стратегии. Либо этот конфликт осознавался как потенциальная угроза и для устранения этой потенциальной угрозы выстраивалась стратегия, либо этот конфликт выступал актуально, и для его разрешения опять-таки находилась некая стратегия. Только такой конфликт может привести к действительно последовательно осуществляемой стратегии.

Я не скажу, что на основе этой стратегии у нас появится эффективная промышленная политика. Но, во всяком случае, может появиться результативная промышленная политика. Скажем, ту промышленную политику, которая выстраивалась у нас в 30-е годы, эффективной никак не назовешь. Это была страшно расточительная политика, которая обошлась нам колоссальными жертвами. Но она была результативная. Я отнюдь не призываю вернуться к опыту 30-х годов, я бы совсем не хотел его повторения, но вопрос о результативности экономической политики надо ставить. Надо ставить вопрос о том, почему нынешняя структура принятия решений оказывается неспособной выработать стратегию. Надо это понять. Надо понять, что существующий реально, фактический баланс интересов нас к этой стратегии не приведет.

Отсюда и вопросы: кто будет осуществлять промышленную политику? А никто не будет. Потому что действительно таких специалистов нет. И более того, даже если их где-то отыскать, им эту промышленную политику никто не вручит и не доверит.

Вот такие веселые мысли приходят мне в голову при обсуждении вопроса об инструментах промышленной политики.

Аузан. Спасибо. И в завершение, пожалуйста, несколько резюмирующих слов участников. Юрий Вячеславович, буквально пары минут хватит Вам?

Симачев. Три.

Аузан. Хорошо, две с половиной.

Симачев. Коллеги, первое по поводу стратегии. По-моему, это ошибка – акцентировать свое внимание на стратегиях. У нас их слишком много. И некоторые, я вас уверяю, из последних – очень неплохие. И все-таки правильно рассматривать стратегии как некий повод для входа в ту или иную политику, в ту или иную деятельность, потому что никто не предскажет, как будет развиваться процесс. Если в ходе стратегии вы действительно привлекаете разные группы интересов и они ее обсуждают, вот это самое главное, потому что возникает некое общее видение и способность взаимодействовать. Это к вопросу о коалициях и выявлении новых групп интересов.

Второе. Промполитикой, мне кажется, все равно надо заниматься. Я не могу себе представить, чтобы руководители органов власти хотели заниматься чем-то рутинным. Они все творцы, они хотят каких-то сдвигов, и обязательно у них будет много проактивной политики. Хорошо, если она будет в каких-то разумных рамках и с учетом хорошего политика...

Аузан. Но не все. Министерство финансов не стремится заниматься промышленной политикой.

Симачев. А у вас есть свои развлечения типа госпрограмм, которые во многом были инициированы Министерством финансов. То еще направление ... нельзя сказать, что неактивное.

Следующий момент – мониторинг. Коллеги, у нас вывихнутая здесь немного логика – рубежом цель мониторинга не в том, чтобы настучать по голове тем, кто не достиг каких-то показателей. Совершенно другая цель – обучение, обмен лучшими практиками.

И у меня ощущение, что у нас есть некоторая проблема, она связана с ощущением великой державы, которое эксплуатируют политики. В чем относительная успешность мер в том же автомобилестроении? В том, что население было глубоко уверено, что не надо нам рассказывать о великой отечественной конструкторской школе применительно к

легковому машиностроению. Поэтому там проще было сориентироваться на привлечение иностранных инвесторов, и сразу возникла сильная группа поддержки со стороны населения и со стороны региональных органов власти, где стали разворачиваться соответствующие производства. Иначе это точно так же заглохло бы, как меры по развитию IT.

И по поводу временных, защитных мер, о чем говорил уважаемый Леонид Григорьев. Вся беда в том, что у нас никогда не хватало политического ресурса эти временные меры отменять. Они постоянно оставались. Вводились как временные для защиты определенного сектора, потом продлевались, расширялись, и дальше уже любой вопрос о том, что «а может быть, их прекратим?», он воспринимался как посягательство на важнейшие завоевания.

А что касается длительности - везде короток век промышленной политики. Вот была популярна в Америке политика, связанная с развитием nanoиндустрии. Но 10 лет прошло, 14 миллиардов долларов потратили, а сейчас уже другие интересы возникли. Та политика как-то потихонечку сошла на нет со сменой президента.

Аузан. Спасибо.

Шаститко. Дейл Карнеги как-то дал рекомендацию человеку, который испытывает дискомфорт по жизни: живи в отсеке сегодняшнего дня. Вот если эту рекомендацию попытаться преломить в сферу промышленной политики, вообще трудно себе придумать более вредную рекомендацию – жить без памяти и без ожиданий. Потому что то, что мы обсуждаем, фактически это действия по принципу Карнеги... Если мы живем в режиме принятия решений, не приходя в сознание, тогда, строго говоря, о чем мы вообще говорим? Какое это имеет отношение к политике?

В связи с этим второй комментарий касается еще одной аналогии. Все знают, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные семьи несчастны по-своему. Если мы согласимся с тем, что в России в подавляющем большинстве случаев те инструменты промышленной политики, которые применяются, в общем-то, применяются не от хорошей жизни, то тогда крайне опасно применять универсальные рецепты к тем проблемам, которые идентифицируются. Я именно поэтому и попытался обозначить на трех примерах, насколько это разные проблемы. Хотим мы того или нет, штучно надо подходить. Может быть, как раз изобретательность нашего законодательного органа в конечном счете дойдет до того, чтобы вместо создания довольно экзотических правил искать нетривиальные и конструктивные способы принятия решений, в том числе и на региональном уровне, для расшивки узких мест методами промышленной политики.

Спасибо.

Гурвич. Спасибо. Я от вашего имени хочу поблагодарить обоих выступавших за яркую и содержательную дискуссию. И для завершающего слова передаю слово Александру Александровичу.

Аузан. Вы знаете, уважаемые друзья, похоже, что мы слишком быстро работаем. Потому что в 19:57 я получил эсэмэску от министра науки, промышленности и предпринимательства Москвы, что он только что освободился. Он вообще хотел приехать к нам. Но я написал, что, пожалуй, уже не в этот раз, и мы ему другим способом сообщим результаты дискуссии.

Муж. Что, пока Москва будет без промышленной политики жить.

Александр Александрович. Ну почему? У нас, как известно, две недели на авторизацию текстов, потом это все публикуем. Я считаю, что через три недели в Москве может появиться промышленная политика. Мы это сможем с вами выяснить, потому что следующая наша с вами встреча пройдет 20 февраля, в четверг, в 18 часов, накануне очередного большого праздника. Ждем вас, уважаемые друзья. Тема встречи будет объявлена за неделю до встречи. Спасибо. До следующей встречи.